

РЕЦЕНЗИИ

И.Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 352 с. (Studia philologica).

В данной монографии автор опирается на свои более ранние работы, посвященные категории вида в русском языке, прежде всего на главу о виде из вышедшей в 1996 году книги «Семантика предложения и нерелевантные слова» [Шатуновский 1996], а также на ряд более поздних статей, опубликованных им в последние годы. Цель монографии состоит в том, чтобы по возможности полно описать дискурсивно-семантические и прагматические факторы, релевантные для семантической интерпретации категории вида в русском языке. Кроме того, автор приводит хотя и не исчерпывающий, но достаточно представительный обзор предшествующей литературы: из новейших российских работ по аспектологии рассматриваются прежде всего работы О.П. Рассудовой, А.В. Бондарко, М.Я. Гловинской и Е.В. Падучевой, упоминаются также работы М.А. Шелякина и «Введение в русскую аспектологию» Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, из зарубежных работ по аспектологии в первую очередь рассматриваются работы Дж. Форсайта, М. Лейнонен, а также работы рецензента.

Языковой материал, на котором автор основывает свой анализ, взят в основном из предшествующих работ, дополнительно приводятся отдельные примеры из художественной литературы, прессы, телепередач и Национального корпуса русского языка.

В работе обсуждается большое количество проблем, релевантных для категории вида: тема-рематическое членение, референциальный статус участников ситуации, временная дистрибутивность, каузальность, перенос отрицания, дейксис и многие другие. В рамках данной рецензии невозможно перечислить все затронутые автором проблемы и предложенные им решения, не говоря уже о том, чтобы подробно обсудить их. Поэтому мы сначала дадим общее представление о важнейших темах книги по главам, а затем постараемся высказать собс-

твенную точку зрения по некоторым принципиальным вопросам.

В главе 1 «Проблема инварианта» граммема СВ описывается вполне традиционно как маркированный член аспектуальной оппозиции. Глаголы СВ обозначают смену ситуации, изменение, переход от предшествующего состояния к последующему. Из этой функции СВ для автора следует, что кодируемые СВ ситуации всегда обозначают «событие», то есть ситуацию, которая ограничена во времени и тем самым индивидуализована. При этом, как отмечает автор, речь может идти и о чисто временном ограничении, как при перфективации с помощью делямитативного способа действия. Напротив, НСВ не может обозначать изменение ситуации. Из этого отрицательного определения, по мнению автора, выводятся четыре разных значения НСВ – «неопределенно-длительное значение», «значение повторяемости», «общефактическое значение» и значение, обозначенное в работе как «актуально-динамическое», которое представлено в определенных типах употребления настоящего времени, таких как репортажное или нарративное настоящее. Небольшой раздел данной главы посвящен взаимодействию категории вида и предикаций с инкрементной темой.

Главы 2 и 3 посвящены более детальному описанию граммы СВ. Во второй главе обсуждается взаимодействие между СВ и семантикой глагола. Автор проводит различие между однофазовыми и многофазовыми ситуациями. Однофазовая ситуация имеет место при обозначении наступления или завершения ситуации (в формальной записи $\langle \text{не-}P \rightarrow P \rangle$ и $\langle P \rightarrow \text{не-}P \rangle$, соответственно), а также при обозначении перехода в новое состояние без промежуточной фазы (в формальной записи $\langle P \rightarrow Q \rangle$). К этой второй группе автор относит не только такие глаголы, как *заболеть* или *уснуть*, но и градативы, такие как *увеличить*. Внутри многофазовых изменений состояния автор проти-

вопоставляет глагольные лексемы СВ, которые предполагают непосредственный результат («strong resultatives» в терминологии [Mittwoch 2008]), и лексемы, не предполагающие непосредственного результата (опосредованный результат, «weak resultatives»). Примеры сильных результативов, глагольных лексем СВ, для которых достигнутое состояние однозначно определяется значением глагола (в формальной записи $\langle \text{не-Р} \rightarrow \text{Р} \rightarrow \text{Q} \rangle$), – *закрывать дверь* или *подняться на Эльбрус*. Обозначенные этими лексемами ситуации могут быть (если изменение состояния уже произошло) осуществлены повторно, только если их результат будет аннулирован.

Глагольные лексемы СВ, такие как *спросить* или *показать картинку* (в формальной записи $\langle \text{не-Р} \rightarrow \text{Р} \rightarrow \text{не-Р} \rangle$), напротив, не предполагают результирующего состояния, заключенного собственно в семантике глагола. Они обозначают ситуации, которые и по достижении результирующего состояния могут быть повторены любое количество раз. К этой группе автор причисляет и глагольные лексемы, у которых исходное и конечное состояние идентичны, как, например, *прогуливаться*, а также глаголы делимитативного и пердуративного способов действия. При этом подробно обсуждается вопрос о том, могут ли делимитативные глаголы обозначать изменение состояния и, если могут, то в каких случаях.

В главе 3 «Коммуникативные типы СВ» прежде всего со ссылками на А. Вежицкую [Wierzbicka 1967] и И.М. Кобозеву [Кобозева 1980] проводится граница между двумя типами употреблений СВ, обозначенными как конкретно-событийное и конкретно-фактическое значение. Конкретно-событийное употребление имеет место, когда обозначенная ситуация привязана к конкретной точке во времени и пространстве, и вследствие этого, например, может быть использовано при обозначении последовательности действий. При этом автор показывает, что перфективность является необходимым, но не достаточным условием для того, чтобы ряд предикаций в конкретно-событийном значении СВ мог получить интерпретацию последовательности действий, и приводит ряд дополнительных условий. Конкретно-фактическое употребление СВ имеет место, когда предикация обозначает индивидуализованную ситуацию, которая не привязана к конкретной точке пространственно-временного континуума. В данном случае функция СВ состоит в том, чтобы задать «конкретную», то есть индивидуализованную ситуацию в дискурсе или описать уже введенную в дискурс ситуацию (экспликативное или таксономическое употребление). Последовательность предика-

ций СВ в конкретно-фактическом употреблении, в отличие от конкретно-событийного, интерпретируется не обязательно как последовательная цепь действий: *Вчера она выстирала белье, зашила дырку в носке, починила утюг*. В качестве третьего типа употреблений СВ описываются его перфектные употребления.

Главы с 4 по 6 посвящены значению НСВ, прежде всего в прошедшем времени. В главе 4 рассматривается неопределенно-длительное значение НСВ. Это значение, выделяемое как основное значение НСВ, имеет место, когда ситуация представлена как неограниченная, то есть уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. В рамках данного значения автор противопоставляет стативно-длительное, процессное и актуально-длительное употребление. Пространный раздел главы 4 посвящен употреблению НСВ в процессном значении в высказываниях, которые имеют экспликативную функцию. Последняя реализуется, когда предикация служит для описания ситуаций, существование которых задано контекстом или ситуативно. Примерами могут служить вопросы типа *Что делал врач после обеда?* и возможные ответы, такие как *Он принимал больных*, а также так называемые высказывания с неинтересной темой вида *Ты что, спал?* Подобные примеры автор приводит в подтверждение того факта, что представление ситуации как неопределенно-длительной необязательно предполагает выраженного Наблюдателя. В качестве еще одного варианта неопределенно-длительного употребления НСВ рассматривается настоящее интерпретационное *Ты врешь* = *То, что ты сказал, ложь*.

В главе 5 «Значение повторяемости НСВ» подробно описывается взаимодействие между семантикой глагола, референциальным статусом аргументов и различными типами повторения. Повторяющиеся ситуации могут при употреблении НСВ концептуализоваться как процесс. Так, последовательность повторяющихся ситуаций может, аналогично единичным ситуациям, быть представлена как уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. При такой интерпретации употребление глаголов СВ в свою очередь может служить для ограничения временной протяженности процесса повторения ситуаций. Предикации НСВ, выражающие повторяющуюся ситуацию, также могут, однако, относиться к типу обозначаемой ситуации. При такой интерпретации форма настоящего времени СВ, а при определенных условиях также и форма прошедшего времени СВ, может отсылать к одной-единственной индивидуализованной ситуации из ряда повторяющихся ситуаций.

Глава 6, самая значительная по объему, посвящена общефактическому значению НСВ. Отправной точкой для рассуждений, представленных в этой главе, служит противопоставление между ситуациями, которые концептуализуются как процесс или событие, с одной стороны, и ситуациями, которые концептуализуются как факт, с другой стороны. Определяющей чертой ситуаций, которые при употреблении СВ представляются как событие, а при употреблении НСВ, соответственно, как процесс, является их встроенность в пространственно-временную структуру. Когда же, напротив, ситуации представляются как факты, происходит абстрагирование от пространственно-временной упорядоченности. Событие и процесс превращаются в факт, когда они «извлечены из реальной цепи событий, из цепи причин и следствий, когда фокус перенесен на то, что имеет место». Ситуации, которые концептуализуются как факты, могут кодироваться как с помощью СВ, так и с помощью НСВ. Когда используется СВ, предикация отсылает к «конкретной», то есть индивидуализованной ситуации. Когда же используется НСВ, предикация отсылает к типу обозначаемой ситуации. Предикации, в которых используется СВ в конкретно-фактическом значении, и предикации, в которых используется НСВ в общефактическом значении, противопоставлены, таким образом, по референциальному статусу обозначаемой ситуации. При конкретно-фактическом значении СВ имеет место референция к индивидуализованной ситуации (*Имела место ситуация X*), при общефактическом значении НСВ, напротив, имеет место референция к типу обозначаемой ситуации (*Имела место такая ситуация, как X*). Для этого противопоставления автор использует, вслед за Н.Д. Арутюновой, термины «определенность» vs. «неопределенность». Под характеристикой референциального статуса предикации в НСВ с общефактическим значением как «неопределенного» имеется в виду скорее «нереферентная неопределенность» (в смысле [Breu 2001]). Ни адресат, ни говорящий не может идентифицировать упомянутую ситуацию, поскольку она не индивидуализована. Нереферентную неопределенность следует отличать от референтной неопределенности, которая имеет место, когда дается указание на ситуацию, известную говорящему, но не известную адресату, по мнению говорящего; такой тип референции представлен в интродуктивных высказываниях, например, в начале повествования: *По Невскому шел маленький сморщенный старичок с орденом на шее* (Чехов).

Неопределенная референция всегда предполагает наличие нескольких сущностей ука-

занного типа. «Неопределенным, будь то в области предметов или в сфере непредметных сущностей, может быть только то, что числом более одного (или возможно более одного)». Для ситуаций, как временных сущностей, это означает, что они обязаны быть потенциально повторяемыми. Так же, как уникальная номинация не может быть использована в экзистенциальном контексте: **На вешалке есть мамино пальто* [Арутюнова, Ширяев 1983: 71], так и предикация НСВ типа *В 41-м Жуков отражал наступление под Москвой* в качестве изолированного высказывания не может иметь общефактической интерпретации.

Как показывает автор, введение ситуаций в дискурс в качестве элементов определенного класса не является единственной функцией общефактического НСВ. НСВ в общефактическом значении может также указывать на означаемое соответствующей предикации; данный тип употреблений автор, вслед за Н.Д. Арутюновой, называет «атрибутивным». В этой функции предикации с общефактическим значением употребляются всегда в том случае, если они служат для установления логической связи между двумя разными ситуациями, как в неоднократно цитированном примере *У вас должна быть моя карточка. Я записывался*. Как показывает автор, речь в данном примере идет не о том, чтобы ввести в дискурс ситуацию класса «записываться в поликлинику», а о том, чтобы представить доказательство наличия регистрационной карты. Порядок предложений приводит к следующему логическому выводу: из факта существования ситуации типа «записываться в поликлинику» следует наличие регистрационной карты. Как показывает автор на многочисленных примерах, логические выводы, допускающие употребление предикаций НСВ в общефактическом значении, могут быть самого разного типа.

Атрибутивное употребление общефактического НСВ допускает также, по мнению автора, отсылку к уникальным, в реальном мире не воспроизводимым ситуациям. Эти ситуации, таким образом, встраиваются в более общий класс. Так, например, обстоит дело в том случае, когда повторяемость описываемой ситуации задана имплицитно, как в примере *Когда вы покупали эти пластинки? Они еще есть в продаже?*, или когда ситуация подвергается оценке и тем самым сравнивается с другими ситуациями того же типа: *Кто жарил рыбу? Она подгорела*.

В главе 7 объясняется взаимосвязь между категориями времени и вида, глава 8 посвящена одному из употреблений НСВ, которое обозначено в книге как актуально-динамическое значение. По определению автора, это зна-

чение имеет место в том случае, если предикация НСВ настоящего времени служит не для представления ситуации как неограниченной во времени, а для выражения ограниченной во времени ситуации, то есть «события» в терминологии автора. Это значение НСВ подробно обсуждается на примере настоящего репортажного; на том же примере показано, каким синтаксическим и, в первую очередь, семантическим ограничениям подвержен этот тип употреблений НСВ. Употребления презенса НСВ, которые не указывают на совпадение по времени с моментом речевого акта, т. е. такие как настоящее нарративное и настоящее сценическое, интерпретируются как производные употребления НСВ в его актуально-динамическом значении.

В главе 9, посвященной связи между видом глагола и отрицанием, автор проводит для предикаций под отрицанием, точно так же, как и для предикаций без отрицания, различие между конкретно-фактическим и событийным значениями СВ, с одной стороны, и общефактическим значением НСВ, с другой стороны. Конкретно-фактическое и общефактическое отрицание также различаются в зависимости от речеренциального статуса, который имеет соответствующая предикация в дискурсе. При употреблении СВ в конкретно-фактическом значении отрицается существование индивидуализованной ситуации. Если бы соответствующая ситуация имела место, то мы бы имели дело с индивидуализованной ситуацией: *Я в этом году не ПОДАЛ заявку на грант = Заявка на грант в этом году не имела место.* (Крупный шрифт здесь и далее указывает на положение фразового акцента.) При употреблении НСВ в общефактическом значении отрицание указывает на тип обозначаемой ситуации, подобная ситуация не индивидуализуется: *Я в этом году не ПОДАВАЛ заявку на грант = Такая ситуация, как заявка на грант, в этом году не ИМЕЛА место.* Поскольку при отрицании типа отрицается также и существование соответствующей индивидуализованной ситуации, общефактическое отрицание может употребляться также и для отрицания существования индивидуализованной ситуации, что автор и подтверждает примером из «Российской газеты»: *Я Литвиненко не УБИВАЛ.* Указание на тип ситуации служит для обобщения и, тем самым, усиления отрицания. Эффект усиления отрицания может также достигаться за счет отрицания существования актантов соответствующей ситуации. Такая возможность сохраняется как при конкретно-фактическом, так и при общефактическом отрицании: *Я никого не убил / не убивал.* Предикации НСВ в общефактическом значении под отрицанием,

так же, как и без отрицания, могут при соответствующей семантике глагола иметь неоднозначную интерпретацию. Если тренер на вопрос о том, может ли он предсказать результат матча, отвечает: *Я никогда не угадывал результатов матчей,* то данная предикация может указывать на безуспешные попытки – возможно многократные – предсказать результат матча, но она может и сообщать о том, что обозначаемая ситуация вообще никогда не имела место. Обе интерпретации предполагают неречерентную неопределенность предикации.

При отрицании предикации СВ в событийном значении отрицание относится к ситуации, определенной во времени, то есть к ситуации, которая занимает «определенное уникальное место в пространственно-временной цепочке событий». При этом отрицается совершение события, которое могло бы произойти в соответствующем ряду событий, но не произошло. Поэтому событийное отрицание, в отличие от конкретно-фактического, всегда подразумевает соответствующую позитивную ситуацию, которая, как правило, также выражена. В событийном значении СВ противопоставлен неопределенно-длительному значению НСВ. При отрицании это значение НСВ переосмысливается. Оно выражает состояние ненаступления обозначаемой ситуации [Падучева 2008: 10]. Автор упоминает данный тип употреблений, но рассматривает его как один из частных случаев значения повторяемости НСВ. Заключительный раздел главы посвящен употреблению и интерпретации категории вида в модальных контекстах. Автор ссылается на собственный подробный анализ модальности в русском языке и показывает на многочисленных примерах, каким образом категория вида в контексте отрицания участвует в противопоставлении аллитической, деонтической и эпистемической модальности.

Глава 10 посвящена употреблению вида в императиве. При побуждении к реализации индивидуализованной ситуации может употребляться как СВ, так и НСВ. В литературе употребление НСВ в примерах типа [Где вы были?] *Отвечайте!* или *Садись и читай!*, в которых адресат побуждается к выполнению однократного индивидуализованного действия, интерпретируется как общефактическое значение НСВ [Храковский 1988; Падучева 1996], поскольку в данном случае нет выраженной точки наблюдения, с которой ситуация могла бы рассматриваться изнутри. Автор не следует этой традиции. Он рассматривает данное употребление НСВ как частный случай неопределенно-длительного значения НСВ, аналогичный представленному, например, в *praesens pro futuro* *Я завтра еду в Киев.* Общефактиче-

ское значение, по мнению автора, имеет место только в том случае, когда императив отсылает к типу обозначаемого действия и, тем самым, остается неопределенным, должно ли указанное действие быть выполнено один раз или неоднократно, ср., например, пожелания при прощании типа *Приходи! Навещай нас!* Кроме того, НСВ в общефактическом значении может употребляться в императиве (как и в индикативе) и при указании ровно на одно действие, если, например, определен некоторый временной интервал и обозначаемое действие, на основании наших знаний о мире, выполнено в рамках этого интервала только единожды, ср. *Заходи завтра!* vs. *Заходи!* Как показывает автор на многочисленных примерах, СВ и НСВ императива при указании на индивидуализованное действие различаются тем, что при употреблении СВ говорящий побуждает адресата решиться на соответствующее действие, а затем привести его в исполнение. Напротив, НСВ употребляется, когда адресат уже принял решение о совершении действия («выбор уже сделан»), но не выполнил действие или не довел его до конца. Таким образом автор показывает, что для выбора вида в императиве знание адресата о ситуации не является решающим фактором, как это часто считают, поскольку побуждение к совершению действия, известного адресату из конситуации или из контекста в случае, когда адресат еще не принял решения о совершении известного ему действия, также должно оформляться СВ. Взаимосвязь между знанием адресата о ситуации и категорией вида имеет место только для НСВ, поскольку решение о совершении действия всегда предполагает знание о соответствующем действии, то есть о диктуме, и адресат способен идентифицировать обозначаемую говорящим ситуацию.

В главе 11 «Повторяемость и СВ» описываются условия, при которых СВ может использоваться для обозначения повторяющейся ситуации. Автор различает две возможности. Употребление СВ возможно, если число повторяемых ситуаций ограничено. В этом случае предикация в СВ указывает на индивидуализованные ситуации. Поэтому употребление СВ возможно лишь в том случае, когда при совершении каждой конкретной ситуации восстанавливается исходное состояние, ср. **Он три раза пришел*. Для НСВ это условие нерелевантно, поскольку соответствующая ситуация указывает на три реализации обозначенного типа. Обозначаемые ситуации не индивидуализуются, ср. *Он три раза приходил* → *Три раза имела место такая ситуация, как X*.

Употребление СВ с референцией к повторяющимся ситуациям возможно также, если

одна-единственная ситуация из ряда повторяющихся индивидуализуется в качестве примера. Подобная индивидуализация оформляется, как правило, формой презенса или инфинитива СВ, в специальном контексте также прошедшим временем СВ. При индивидуализации ситуации индивидуализуются также ее актанты. В примере *Только ястреб иногда пролетит над одинокой могилой* (Каверин) субъект имеет конкретно-референтный статус, при употреблении НСВ это не так. В отличие от формы презенса НСВ, форма презенса СВ может выражать не только реальное, но и потенциальное повторение ситуации: *Она хорошая хозяйка, всегда угостит чем-нибудь вкусным*. Автор описывает условия, при которых возможна эта потенциальная интерпретация, и показывает в то же время, почему предикации этого типа часто интерпретируются как относящиеся к «случайной» ситуации.

Глава 12 «Потенциальное значение СВ» посвящена интерпретации презентной формы СВ с референцией к будущему. Предикации в презентной форме СВ типа *Ты за сколько пробежишь стометровку?* могут относиться к ситуациям, в отношении которых предполагается, что они наступят в будущем, но эти предикации могут относиться также и к ситуациям, наступление которых рассматривается лишь как потенциально возможное. Разбирая процитированный пример, автор показывает, что интерпретация, в частности, зависит от того, принял ли уже собеседник решение относительно будущего действия или еще нет. Если решение совершить действие уже принято, предикация интерпретируется как относящаяся к будущему, если же соответствующего решения нет, то действие интерпретируется как потенциальное. Подробно описываются и анализируются и другие семантические и прагматические факторы, которые обуславливают потенциальное прочтение презентной формы СВ с референцией к будущему.

После такого, никоим образом не полного, обзора затронутых в монографии проблем возникает вопрос, какие идеи позволяют рассматривать данную работу как шаг вперед по сравнению с предшествующими исследованиями в этой области. Что в ней нового? В первую очередь это подробное описание взаимосвязи между категорией вида и модальностью в самом широком смысле слова, области, которая, если не принимать во внимание педагогически ориентированных работ, таких как книга О.П. Рассудовой, едва намечена в существующей литературе. Автор имеет возможность обратиться к собственному исчерпывающему анализу модальности в работе 1996 года, что позволяет ему представить очень подробное

описание взаимосвязи между видом и модальностью.

Кроме того, принципиально важными являются, на наш взгляд, еще два момента, на которых мы хотели бы остановиться более подробно, а именно: 1) попытка определить общефактическое значение НСВ через референциальный статус предикации и 2) учет коммуникативной функции предикаций и их референтов в дискурсе. Оба момента находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Начнем с первого пункта. Автор исходит из общепринятого в настоящее время положения о том, что СВ имеет одно-единственное значение, он всегда обозначает ограниченную во времени и тем самым индивидуализованную ситуацию, «событие» в терминологии автора. НСВ, в противоположность СВ, имеет несколько значений. В качестве основных автор рассматривает два значения – неопределенно-длительное и общефактическое. В случае если СВ противопоставлен НСВ в неопределенно-длительном значении, автор говорит о событийно-конкретном употреблении СВ, – соответствующая видовая оппозиция отсылает к внутренней структуре обозначаемого события. Здесь мы имеем дело с «линейной актуальностью» [Плунгян 2000: 296]. Обозначаемая ситуация представляется в разных ракурсах. При употреблении СВ она представляется как ограниченная во времени, при употреблении НСВ, наоборот, как неограниченная, то есть как уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. Если речь идет об изменении состояния, остается неопределенным, достигла ли уже ситуация кульминационной точки или еще достигнет. Как в СВ, так и в НСВ предикация в этой видовой оппозиции отсылает к «конкретной», то есть индивидуализованной ситуации. Если же СВ противопоставлен НСВ в общефактическом значении, то имеет место тип употреблений СВ, который автор называет конкретно-фактическим, – то предикации различаются референциальным статусом. Предикация в СВ указывает на индивидуализованную ситуацию, как и в случае оппозиции с НСВ в неопределенно-длительном значении. НСВ в общефактическом значении, напротив, указывает на тип обозначаемой ситуации. В основе употреблений НСВ в общефактическом значении лежат экзистенциальные высказывания, в которых в дискурс вводится существование одной из множества однотипных ситуаций: *Мы встречались* → *Имела место такая ситуация, как встреча*. Обозначаемая ситуация не индивидуализуется, она является «неопределенной», и потому не может быть идентифицирована ни говорящим, ни адресатом. Можно добавить, что речь в данном случае идет о нереферент-

ной (или, в другой терминологии, неспецифической) неопределенности в отличие от референтной неопределенности. Автор не вводит здесь подобного противопоставления, но в связи с другой проблемой показывает, что оппозиция дискурсивно-прагматической (референтной) неопределенности и нереферентной неопределенности также релевантна для категории вида. Дискурсивно-прагматическая неопределенность бывает представлена в интродуктивных высказываниях, например, в начале рассказа: *В соседней комнате объяснялись в любви* (Чехов). Это референтное употребление. Оно, в отличие от нереферентных употреблений, указывает на ситуацию, известную говорящему, адресату же, по мнению говорящего, неизвестную, поскольку она только что введена в дискурс. Таким образом, эта ситуация остается для адресата неидентифицируемой, «неопределенной» [Mehlig 1988].

Определяя общефактическое значение НСВ через «нереферентную неопределенность», автор отказывается от широко распространенного определения общефактического значения как указывающего на ситуацию «не локализованную во времени». Временная неопределенность является для автора лишь следствием нереферентного неопределенного статуса общефактической предикации. В этом его позиция отличается также от позиции Е.В. Падучевой, которая определяет неопределенно-длительное и общефактическое значения НСВ через различные перспективы Наблюдателя. В прошедшем времени при неопределенно-длительном значении избирается синхронная точка наблюдения, при общефактическом – ретроспективная. Для ситуаций в будущем абсолютно симметричным образом для общефактического значения НСВ вводится проспективный Наблюдатель. При таком определении остается неясным, как, например, определять общефактическое значение в инфинитиве. Для автора данной работы подобной проблемы не возникает. При общефактическом значении НСВ всегда имеет место референция к типу, то есть нереферентная неопределенность предикации. Обозначаемая ситуация не индивидуализуется.

Неопределенная референция, независимо от того, идет ли речь о нереферентной или дискурсивно-прагматической неопределенности, обязательно предполагает потенциальное существование нескольких сущностей. «There must definitely exist in the minds of the speaker and hearer at least other referents which are not being referred to, i. e. which are not being included in the reference» [Hawkins 1978: 199]. Для предикаций это означает, как неоднократно подчеркивает автор, что ситуация должна

быть потенциально повторяемой, «то, что не может повторяться, не может получать общефактическое употребление». Высказывание типа *Срок вашего паспорта истек* не может получить общефактической интерпретации, поскольку обозначаемая ситуация не является повторяющейся. Общефактическое значение НСВ оказывается, таким образом, одним из типов количественной аспектуальности.

Как следствие из условия потенциальной повторяемости возникают различия в прочтениях, которые может иметь предикация в общефактическом значении НСВ. Наблюдения автора можно систематизировать следующим образом. Ситуации, при которых исходное и конечное состояние идентичны, всегда повторяемы. Среди ситуаций, которые подразумевают изменение состояния, то есть с неидентичными, исходным и конечным состояниями которых неидентичны, напротив, следует выделить, с одной стороны, изменения состояния с непосредственным результатом («strong resultatives»), с другой стороны, изменения состояния с опосредованным результатом («weak resultatives»). Изменения состояния с опосредованным результатом всегда повторяемы, как показывает автор на примерах типа *принимать ванну, купаться* или *показывать фильм*. В случае же изменений состояния с непосредственным результатом (например, *терять паспорт*) то, будет ли обозначаемая ситуация повторяемой, зависит прежде всего от референциального статуса ее аргументов. Если аргументы соответствующей ситуации имеют общереферентный статус, то сама ситуация обязательно является повторяемой, поскольку общереферентный статус аргументов исключает индивидуализацию обозначаемой ситуации. Предикация в таком случае отсылает к типу ситуации, и таким образом нет никаких ограничений для общефактического значения НСВ. Если же имеет место указание на индивидуализованные объекты, то ситуация с непосредственным результатом будет повторяемой только в том случае, если этот результат обратим. Отсюда возникает так называемое двунаправленное прочтение общефактического НСВ для предложений типа *Я раньше уже терял этот паспорт*. Но и те ситуации с непосредственным результатом, которые, исходя из наших знаний о мире, являются необратимыми (например, смерть человека), могут допускать общефактическую интерпретацию НСВ. Это возможно, если обозначаемая ситуация либо допускает частичную реализацию (например, *есть арбуз*), либо имеет достаточно отчетливую предварительную стадию (например, *умирать*). В контексте [*Мне смерть не страшна. Я уже несколько раз умирал.*] *А ты хоть раз умирал?* вопрос может от-

носиться только к предсмертному состоянию. В этом случае имеет место нерезультативная интерпретация общефактического НСВ. В предикациях типа *подниматься на Эльбрус* НСВ в общефактическом значении может иметь как двунаправленную, так и нерезультативную интерпретацию.

Квалитативные – в другой терминологии, вневременные – предикаты (individual-level predicates) характеризуются тем, что обозначаемые ими ситуации не поддаются квантификации. Они, таким образом, по определению не допускают общефактической интерпретации НСВ. Поэтому автор не усматривает в неоднократно обсуждавшемся примере *Там раньше висела картина* общефактического значения НСВ, независимо от того, идет ли речь об употреблении в дейктическом (преднастоящие) или нарративном регистре (предпрошедшие). Данная предикация не сообщает о том, что по меньшей мере однажды какая-то картина висела на указанном месте, а описывает устойчивое состояние. Автор обозначает этот тип употреблений НСВ как стативно-длительное значение, которое он рассматривает как разновидность неопределенно-длительного значения НСВ.

Принципиально важным для понимания общефактического значения НСВ является наблюдение автора о существовании контекстов, в которых НСВ в общефактическом значении может быть употреблен даже в том случае, если речь идет о ситуациях, в реальности не повторявшихся (например, оборона Москвы под командованием Жукова в 1941 году). При общефактическом употреблении такие единичные ситуации встраиваются в класс других подобных ситуаций. Происходит рекатегоризация, аналогичная той, что имеет место для уникальных объектов при употреблении соответствующих существительных в экзистенциальном предложении. В экзистенциальном предложении типа *У нас в классе тоже есть Антон*, где имя собственное *Антон* переосмысливается как нарицательное [Арутюнова, Ширяев 1983: 22]. Точно так же при употреблении НСВ в общефактическом значении в предикации, в действительности указывающей на единичную ситуацию, обозначаемая ситуация концептуализуется как элемент более общего класса ситуаций. Автор объясняет этот тип употреблений общефактического значения НСВ, в частности, на примере следующей последовательности предикаций: *В 41-м Жуков отражал наступление немцев под Москвой, организовывал оборону Ленинграда... А в 45-м подписывал договор о капитуляции и принимал Парад Победы*. В данном контексте речь не идет о том, чтобы ввести существование обо-

значающей ситуации в дискурс. Данные предикации скорее являются показательными примерами из жизни Жукова, то есть ситуациями, принадлежащими к общему классу его военных удач. В изолированном высказывании, без отчетливой привязки к ряду схожих ситуаций, НСВ в предикации *В 41-м Жуков отражал наступление немцев под Москвой* не мог бы получить общефактическую интерпретацию. Такое высказывание было бы возможно только в нарративном регистре, и его функцией было бы введение обозначаемой ситуации в дискурс. В этом случае имело бы место неопределенно-длительное значение НСВ. Эти особые ограничения на употребление НСВ в общефактическом значении при указании на уникальную, в реальности не повторяющуюся ситуацию, еще раз подтверждают тот факт, что в основе общефактического значения НСВ лежит нереперентная неопределенность. Предикации в этом случае отсылают не к индивидуализованным ситуациям, а к ситуациям определенного типа и поэтому всегда допускают парафраз *Имела место такая ситуация, как X*.

Вторая особенность, отличающая данную монографию, – учет коммуникативной функции глагольных предикаций и обозначаемых ими ситуаций в дискурсе. Автор исходит из концепции Ш. Балли [Bally 1932/1950] о том, что глагольная форма предикации состоит из двух семантических компонентов – «модуса» и «диктума». Предикация типа *Вчера мы встречались*, во-первых, информирует о существовании некоторой ситуации (модус), а во-вторых, описывает эту ситуацию как «встречу» (диктум). Эта двойственность информации, содержащейся в предикате, становится более наглядной, если представить ту же информацию в виде бытийного предложения *Вчера была встреча между нами*. Такая трансформация в бытийное предложение позволяет описать коммуникативную функцию предикации и обозначаемой ею ситуации, применив к бытийному парафразу общепринятое противопоставление фона и фокуса. По аналогии с бытийными предложениями, указывающими на существование пространственных сущностей, можно выделить три различных коммуникативных типа глагольных предикаций в тексте:

1. Нейтральный тип. Предикат существования (модус) и описание ситуации (диктум) представляют новую информацию и, таким образом, вместе составляют фокус бытийного предложения: *Вчера [была встреча] фокус*. В этом случае автор говорит о «длинной реме».

2. Актуализация модуса. Описание ситуации выступает как известное и составляет, таким образом, «фон», а модус представляет со-

бой «фокус» обозначаемой ситуации: *Вчера [встреча] фон [была] фокус*.

3. Актуализация диктума (описания ситуации). В этом случае модус, то есть информация о существовании ситуации, подразумевается. А описание ситуации составляет фокус бытийного предложения. *Вчера [была] фон [встреча] фокус*. Этот коммуникативный тип автор называет «таксономическим» или «экспликативным».

Вышеперечисленные коммуникативные типы глагольных предикаций в дискурсе релевантны для категории вида не только при референции к индивидуализованным ситуациям, но и при референции к типу, то есть когда имеет место общефактическое значение НСВ. В рецензируемой работе содержится множество подтверждений этому. Рассмотрим, в частности, следующий пример из работы. Предикация типа *После обеда врач принимал больных* может иметь интродуктивную функцию, в этом случае имеет место нейтральный коммуникативный статус. Та же предикация может также служить ответом на вопрос *Что делал врач после обеда?* Тогда имеет место экспликативный статус, поскольку такой вопрос подразумевает существование некоторой индивидуализованной ситуации и функция ответа состоит в том, чтобы подтвердить предположение о существовании ситуации и дать интересующее собеседника описание этой ситуации. В обоих случаях мы имеем дело с неопределенно-длительным значением НСВ. Обозначаемая ситуация представлена изнутри, то есть как уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. Если внутренний аргумент отсылает к ограниченному множеству (то есть ситуация предельна), то остается неопределенным, достигла ли предела обозначаемая ситуация. В то же время пример типа *После обеда врач принимал больных?* допускает и актуализацию модуса предикации, фразовый акцент высказывания несет в этом случае финитный глагол. В этой ситуации имеет место уже не неопределенно-длительное, а общефактическое значение НСВ: *Такая ситуация, как X, после обеда ИМЕЛА место?*

Учет коммуникативной функции глагольной предикации в дискурсе позволяет также, как показывает автор, ответить на неоднократно поднимавшийся вопрос о том, может ли предикация в СВ, в особенности под отрицанием, указывать на «ожидаемую» ситуацию, и если да, то в каких случаях. Предикация под отрицанием типа *За этот год добыча угля не возросла на 10 млн тонн, как было предусмотрено планом* так или иначе подразумевает, что обозначаемая ситуация принадлежит к картине мира адресата. Указание на «ожидаемую» ситуацию имеет место только в «полемиче-

ском контексте», то есть в том случае, когда актуализован компонент модуса и фразовый акцент несет финитный глагол (так называемая «explicit denial» в отличие от «implicit denial» [Tottie 1991]). Если, как в нашем примере, при употреблении СВ происходит референция к индивидуализованной ситуации, то при актуализации модуса предикация указывает на ситуацию, которую адресат, по мнению говорящего, может идентифицировать как ему известную. В этом случае имеет место референтная определенность описания ситуации. Учет коммуникативной функции глагольной предикации в дискурсе позволяет также объяснить, почему пример типа *Ты СЛОМАЛ ногу?* не может быть интерпретирован как вопрос к модусу, а только как вопрос к диктуму. Интересующая говорящего ситуация случайна, непредсказуема и потому неизвестна адресату, не может быть им идентифицирована. Поэтому вопрос может быть интерпретирован только экспликативно: *Ты что, НОГУ сломал?* Фразовый акцент на глаголе возможен в этом экспликативном вопросе только в том случае, если аргументы предикации указывают на объекты, известные адресату: *Что с ногой? Ты ее СЛОМАЛ?*

Предикация может указывать на уже введенную ранее в тексте ситуацию и сообщать информацию о других компонентах высказывания, таких как Агенс, Место, Время. В подобном случае мы имеем дело с частично экспликативными высказываниями, поскольку из предшествующего текста известно не только о существовании ситуации, частично из него известен и диктум: ведь раз ситуация упоминается повторно, то известна также семантика соответствующего глагола. Начиная с работ О.П. Рассудовой, употребление вида «в случае, когда говорящего интересует, где, когда, кто совершал действие» [Рассудова 1968/1982: 53], рассматривается как особый случай и интерпретируется разными исследователями очень по-разному. Е.В. Падучева [Падучева 1996] обозначает это употребление НСВ как «акциональное значение НСВ», поскольку, по ее мнению, употребление НСВ в таком случае возможно только для контролируемых ситуаций (action). Это «акциональное значение НСВ», со своей стороны, она рассматривает как разновидность общефактического значения, поскольку и это употребление предполагает ретроспективную позицию Наблюдателя. А. Грённ [Grønn 2004] обозначает повторное употребление предикации в НСВ вслед за употреблением ее в СВ как «presuppositional factual imperfective aspect». При этом его формально-семантический анализ ограничивается случаями повторного употребления предикаций, ука-

зывающих на достижение предела ситуации. В работе [Mehlig 2001] мы попытались показать, что следует противопоставлять случаи, когда предикация употребляется повторно для указания на тип и когда предикация употребляется повторно для указания на индивидуализованную ситуацию. Повторное употребление в НСВ предикации, указывающей на индивидуализованную ситуацию, мы попробовали описать как одну из разновидностей процессного значения НСВ. И.Б. Шатуновский в целом не соглашается с идеей рассматривать анафорическое употребление НСВ как особый случай видового употребления. По его мнению, при повторном употреблении предикации в НСВ всегда имеет место общефактическое значение НСВ.

Для лучшего понимания природы употребления вида в частично экспликативных высказываниях нам кажется важным прежде всего различать случаи повторного упоминания ситуации как типа и повторного упоминания индивидуализованной ситуации. Если предикация в антецеденте указывает на тип, то при кореферентном повторном употреблении предикации значение НСВ тоже следует интерпретировать как общефактическое, ср. [*Они ВСТРЕЧАЛИСЬ в прошлом году.*] *А ГДЕ они встречались?* В антецеденте представлено общефактическое значение НСВ, и остается неопределенным, имела место одна встреча или несколько. Это верно и для второй предикации (вопроса). Обе предикации указывают на тип обозначаемой ситуации, обе имеют нереферентно-неопределенный референциальный статус. В этом случае представлен тип кореференции, известный также как коассигнация. Если же, напротив, мы имеем дело с антецедентом в СВ, указывающим таким образом на индивидуализованную ситуацию, то при повторном упоминании соответствующей ситуации может также употребляться СВ, но часто употребляется и НСВ. Вопрос в том, как классифицировать употребление НСВ в примерах типа *Где вы покупали пластинки? [Они еще есть в продаже?]*. По мнению И.Б. Шатуновского, в данном случае мы имеем дело с атрибутивным употреблением общефактического значения НСВ, то есть при употреблении НСВ ситуация, которая в предшествующем контексте была представлена как индивидуализованная, представляется теперь уже как тип, как элемент множества схожих ситуаций. В таком случае это уже не кореференция в строгом смысле слова, а переход от индивидуализованной ситуации к ситуации как типу, от референтной определенности (*ситуация X*) к нереферентной неопределенности (*такая ситуация, как X*). В

пользу подобной интерпретации говорит тот факт, что во втором вопросе *Они еще есть в продаже?* тематизируется повторяемость интересующей говорящего ситуации. Та же логика применима к примерам типа *Как неровно висит карта! Кто ее вешал?*, в которых ситуация подвергается оценке. Оценка означает сравнение с другими ситуациями того же типа. Если повторное упоминание ситуации, индивидуализированной в предшествующем контексте, указывает, как в приведенных примерах, на ее тип, то мы имеем дело с количественной аспектуальностью.

При употреблении НСВ в предикации, указывающей на уже введенную в предшествующем контексте индивидуализированную ситуацию, на наш взгляд, речь может идти и о процессном значении НСВ. Особенно правдоподобной такая интерпретация кажется для примеров типа *Кто переводил текст, Антон? Он заметил, что не хватает двух страниц?* В этом случае сохраняется кореференция между антецедентом в СВ и повторным употреблением предикации в НСВ. Обе предикации отсылают к индивидуализированной ситуации. При таком кореферентном повторном употреблении предикации в НСВ результат, о наличии которого сообщается при употреблении в антецеденте СВ, ослабляется, а процесс, деятельность, приводящая к изменению состояния, тематизируется: *Антон заметил, что не хватает двух страниц, когда он переводил текст?* Другими словами, при повторном употреблении в НСВ предикация указывает только на деятельность и не содержит информации о том, достигла ли обозначаемая ситуация предела. Эта информация может быть получена только из предшествующего контекста. Предикация НСВ служит, таким образом, для введения фоновой информации. С ее помощью проясняются другие ситуации, произошедшие на фоне обозначаемой ситуации, т. е. одновременно с ней. В этом случае имеет место линейная аспектуальность.

Как показывают эти заключительные рассуждения и дополнения, данная монография представляет собой в высшей степени поучительное чтение. Эта книга будет полезна каждому, кому интересна проблематика русского вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Ширяев 1983 – Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
Кобозева 1980 – И.М. Кобозева. Некоторые правила выбора вида глаголов при синтезе простого предложения, выражающего

заданный смысл // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.

Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.

Падучева 2008 – Е.В. Падучева. Имперфектив отрицания в русском языке // ВЯ. 2008. № 3.

Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.

Рассудова 1968/1982 – О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.

Храковский 1988 – В.С. Храковский. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // R Ling. 1988. Т. 12. № 3.

Шатуновский 1996 – И.Б. Шатуновский. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.

Bally 1932/1950 – Ch. Bally. Linguistique générale et linguistique française. Bern, 1950.

Breu 2001 – W. Breu. Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt // H. Kusse (ed.). Slavistische Linguistik. München, 2001.

Grønn 2004 – A. Grønn. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. Dr. art. dissertation. Acta humanorum V. 199. Oslo, 2004.

Hawkins 1978 – J. Hawkins. Definiteness and indefiniteness. London, 1978.

Mehlig 1988 – H.R. Mehlig. Verbalaspekt und Determination // J. Raccke (ed.). Slavistische Linguistik 1987. München, 1988.

Mehlig 2001 – H.R. Mehlig. Verbal aspect and the referential status of verbal predicates: On aspect usage in Russian *Who*-questions // Journal of Slavic linguistics. 2001. 9.

Mittwoch 2008 – A. Mittwoch. The English resultative perfect and its relationship to the experiential perfect and the simple past tense // Linguistics and philosophy. 2008. 31.

Tottie 1991 – G. Tottie. Negation in English speech and writing: a study in variation. San Diego; New York; London, 1991.

Wierzbicka 1967 – A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967.

Х.Р. Мелиг

(перевод с немецкого Н.М. Стоиновой)

Сведения об авторе:

Ханс Роберт Мелиг / Hans Robert Mehlig
Institut für Slavistik
Christian-Albrechts-Universität Kiel
mehlig@slav.uni-kiel.de